

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В. Мау

Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 году*

Экономический рост стал ключевым вопросом в повестке развитых стран, включая Россию. В статье рассматриваются существующие в настоящее время гипотезы, объясняющие замедление темпов роста и производительности: недостаток спроса (циклический фактор); особенности современной фазы технологического прогресса, ограничивающие предложение инноваций (технологические факторы); особенности антикризисной политики, препятствующие «созидательному разрушению» (политические факторы); неадекватность современных методов оценки экономического роста (фактор статистики). Проблема роста в значительной мере формирует ставший вновь актуальным популизм, который рассматривается в статье с точки зрения его влияния на экономическую политику. Исходя из глобальных вызовов, анализируются итоги антикризисной политики России 2015–2016 гг., главный из которых — успешная адаптация России к новым глобальным экономико-политическим реалиям.

Ключевые слова: экономическая политика, структурный кризис, новая модель роста, Россия.

JEL: O52, P67.

Мир находится в поиске новой парадигмы социально-экономического развития, которую иногда называют «новой реальностью». Опыт предшествующих структурных кризисов (1930-х и 1970-х годов) свидетельствует, что этот поиск занимает примерно десятилетие, которое характеризуется неустойчивой экономической динамикой, политическими кризисами и социальной нестабильностью. Разумеется, опыт прошлого нельзя прямолинейно транслировать на будущее — подлинные сроки «турбулентного десятилетия» определяют только экономи-

Мау Владимир Александрович (rector@ranepa.ru), д. э. н., проф., ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

* Автор выражает признательность С. М. Дробышевскому, Г. И. Идрисову, М. Ю. Хромову за помощь в работе над статьей.

ческие историки. Но уже сейчас очевидно, что ключевым вопросом политической и интеллектуальной повестки становится новая модель экономического роста — его вероятные темпы и источники.

Дискуссия о перспективах экономического роста

Перспективы экономического роста формируют главный вызов, который будет определять развитие других важнейших структурных процессов в XXI в., — динамику глобализации (или деглобализации), новой индустриализации (структурной модернизации), развития человеческого капитала.

С начала глобального кризиса, то есть примерно с 2008 г., наблюдается замедление темпов экономического роста. Если раньше казалось, что эта тенденция носит временный характер и будет преодолена в обозримом будущем, то спустя почти десять лет стало ясно, что ситуация гораздо сложнее. Экономисты заговорили о грядущей длительной стагнации (*secular stagnation*), политики начали адаптироваться к новым реалиям, что привело к резкому и бурному росту популистских настроений. Собственно, таковы две важнейшие характеристики 2016 г. — *низкие (и замедляющиеся) темпы экономического роста и рост политического популизма*. Они явно взаимосвязаны: экономические тяготы всегда делают востребованными как минимум популистские лозунги, но нередко и популистские действия политиков.

У экономического торможения много причин. Их анализ уже находится в центре внимания экономистов. И, несомненно, современный рост станет одной из основных тем будущих экономических, политологических и политэкономических дискуссий. Одна из причин замедления глобального развития — снижение темпов роста в Китае и Индии, естественное по мере достижения ими определенного уровня экономической зрелости и приближения к более стабильному состоянию развитых стран. Это торможение могло быть компенсировано появлением новых возможностей для ускоренного трансфера технологий в другие страны и регионы мира (например, в Африку), однако данный вопрос пока носит в большей степени политический и институциональный, чем экономический, характер.

Отчасти торможение может объясняться циклическими факторами — низкой инвестиционной активностью, что выражается в характерном для большинства развитых стран превышении сбережений над накоплениями. По-видимому, это связано с высоким уровнем неопределенности, естественным в период технологического обновления и ожидаемых структурных реформ¹.

¹ Лауреат Нобелевской премии в области экономических наук за 2013 г. Р. Шиллер связывает торможение с «потерей экономической уверенности» (ожидания деловой активности фирм, а также доходов и занятости граждан) и «неопределенностью в сфере экономической политики» (регулирование, налоги и т. п.) (Shiller, 2016).

Однако проблема экономического роста не сводится к замедлению глобальной динамики или к особенностям современного делового цикла. В традиционной модели экономического развития со спадами и подъемами основной вопрос после кризиса связан с тем, на каком уровне остановится спад, после чего должен начаться экономический рост. Ход событий после 2008 г. отчетливо демонстрирует: за остановкой спада могут следовать стагнация или низкие темпы роста, то есть его восстановление не происходит автоматически. Тем самым меняется суть антикризисной политики: она больше не может ограничиваться противодействием спаду, а должна предлагать меры по обеспечению приемлемых темпов роста (или повышению потенциального роста). В этом и состоят главный вызов нынешнего глобального кризиса и суть того, что в последние годы принято называть «новой экономической реальностью».

Проблема долгосрочной стагнации развитой страны не принципиально новая. Именно это происходит в Японии на протяжении уже четверти века. Выяснилось, что экономика развитой страны может в течение длительного времени стагнировать, поддерживая при этом высокий уровень благосостояния и избегая острых социальных проблем. Казалось, что это специфически японский феномен, однако сейчас очевидно, что мы столкнулись с новым явлением, которое требует изучения и выработки адекватной политики. В аналогичной ситуации на протяжении уже пяти лет находится Евросоюз. С рисками долгосрочной стагнации сталкивается современная Россия, для которой «достижение дна» (что активно обсуждалось в 2015–2016 гг.) не означает возврат к устойчивому росту. В какой-то мере можно говорить об интеллектуальном вызове, аналогичном кейнсианской революции, но если тогда речь шла о необходимости включить некоторые автоматические антикризисные регуляторы (для смягчения последствий кризисов), то теперь говорят о выработке специальной политики обеспечения роста.

Для объяснения этого феномена появилось несколько гипотез *циклического, технологического, политического и статистического* характера. Фактически, можно говорить о четырех вариантах объяснения ситуации в области роста. При всем их различии они не абсолютные альтернативы друг другу, и реальная ситуация — результат их некоторой комбинации.

Циклические факторы. Здесь торможение объясняется недостаточностью совокупного спроса, что проявляется в отрицательном разрыве между инвестициями и сбережениями. Хронически недостаточный спрос будет сдерживать рост ВВП и производительности, и даже близкие к нулю процентные ставки не будут стимулировать экономический рост (Summers, 2014)². В этом же направлении влияет, по-видимому, и фактор неравенства, поскольку отсутствие роста доходов у большинства населения и их избыточная концентрация у меньшинства ведут

² «Глобальный избыток сбережений на фоне низкой инфляции определяет слабый агрегированный спрос в регионах с высокими доходами. Этот синдром согласуется с нулевыми или отрицательными процентными ставками в Европе и Японии» (Nordhaus, 2016).

к наращиванию сбережений в ущерб спросу, создавая тем самым дополнительные стимулы к торможению.

Технологические особенности. Другой подход объясняет торможение ограничениями со стороны предложения, прежде всего предложения инноваций (Cowen, 2011; Gordon, 2016; см. также: Гордон, 2013). Речь здесь идет о возможном замедлении технологического прогресса, меньшем влиянии технологических инноваций на производительность, особенно по сравнению с технологической революцией на рубеже XIX–XX вв. Фактически, такой подход подразумевает исчерпание современного экономического роста, каким мы его знаем с середины XVIII в., что становится одной из ключевых загадок экономической науки (и экономической истории особенно).

Впрочем, некоторые сторонники объяснения торможения технологическими факторами придерживаются оптимистической интерпретации проблемы: технологическое торможение — временный феномен, поскольку существуют лаги между внедрением новейших технологий и распространением их влияния на другие отрасли, а тем самым — на рост ВВП и производительности (Мокур, 2014). Эта точка зрения имеет основания и в недавнем экономическом опыте. Так, в 1987 г. Р. Солоу заметил, что «эпоха компьютеров видна повсюду, кроме статистики производительности» (Solow, 1987. Р. 36). Спустя примерно 15 лет это влияние уже отражалось в статистике и не требовало особых доказательств. Однако прежде было необходимо серьезно трансформировать бизнес-модели, что не сводилось к широкому внедрению компьютеров в производственные процессы (Brynjolfsson, Hitt, 2000; Brynjolfsson, McAfee, 2011). Таким образом, можно предположить, что со временем влияние инноваций найдет отражение и в статистике экономического роста, тем более что в настоящее время возникают принципиально новые модели управления и формы бизнеса³.

Политические факторы. Третий вариант объяснения торможения связан со спецификой политических процессов и их влиянием на экономику. Речь идет о фактическом приоритете краткосрочных политических задач перед долгосрочными структурными. Для предотвращения острых социально-политических последствий кризиса (и с учетом опыта Великой депрессии 1930-х годов) правительства развитых стран пошли на беспрецедентные меры по спасению существующих предприятий и банков, закрыв тем самым возможность «созидательного разрушения» по Й. Шумпетеру. (Аналогично действовало и японское правительство в 1990-е годы, создав проблему зомби-банков и предприятий.) Мягкая денежная политика (сверхнизкие или отрицательные процентные ставки) не столько стимулирует экономическую актив-

³ Ц. Куреши назвал сторонников этих подходов к оценке влияния инноваций на рост соответственно «технопессимистами» и «технооптимистами»: «В споре между „пессимистами“ и „оптимистами“ о будущем производительности важно скорее не то, кто из них прав, а то, как отреагировать на будущие вызовы, на которые указывают „пессимисты“, чтобы воспользоваться возможностями, которые предвидят „оптимисты“. Будущее вполне может быть оптимистическим, если реализация технологических возможностей будет поддержана соответствующей политикой и институциональными изменениями» (Qureshi, 2016).

ность, сколько облегчает долговое бремя государства и корпораций, поскольку улучшает положение должников за счет ущемления интересов кредиторов (Wolf, 2016)⁴. Соответственно эта политика предотвращает возможную волну банкротств.

В более жесткой интерпретации центральные банки взяли на себя функции, схожие с центральными плановыми органами советского типа, в задачи которых входило предотвращение кризисов и банкротств. Принятые ими меры «остановили падение цен на активы и тем самым спасли огромные состояния. Но это также помешало достаточному количеству молодых предпринимателей и инвесторов пойти на риск открытия новых предприятий» (Sinn, 2016). Все это тормозит выход из кризиса на годы, если не на десятилетия. Без созидательного разрушения, при всех связанных с ним проблемах политического и социального характера, нельзя выйти из стагнационной ловушки.

Фактически здесь политические интересы начинают доминировать над экономическими, то есть обеспечение текущей социально-политической стабильности и результаты ближайших выборов оказываются более важными, чем повышение эффективности и производительности. Ориентация на узко понятые политические цели и групповые интересы ведет к торможению институциональной и структурной модернизации, а тем самым — к торможению роста. Политически понятное стремление не допустить рост безработицы может обусловить потери в эффективности и конкурентоспособности. Все это тождественно преобладанию краткосрочных интересов над долгосрочными, что типично для многих развитых и развивающихся стран в последние десятилетия⁵. Более того, нередко политика, быстро приводящая к позитивным сдвигам в экономической динамике, оказывается неэффективной и даже вредной в среднесрочной перспективе.

Из сказанного следует, что меры денежно-кредитной политики могут купировать кризис, не допустить его развертывания, но сами по себе не ведут к устойчивому росту. Как известно, он требует структурных и институциональных реформ — особенно в условиях качественного обновления технологической базы национальной экономики.

Особенности статистических измерений. При обсуждении экономического роста особое место занимает проблема его адекватной

⁴ По словам К. Рейнхарт, эта политика фактически означает налогообложение кредиторов: «Как и в прошлом, во время и после финансовых кризисов и войн центральные банки все больше придерживаются формы „налогообложения“, которая помогает ликвидировать огромный государственный и частный долговой навес и смягчает бремя обслуживания долга... В настоящее время это означает поддержание отрицательных реальных процентных ставок — эквивалента непрозрачного налога на держателей облигаций и в более широком смысле на всех, кто сберегает» (Reinhart, 2016).

⁵ Примеры доминирования краткосрочных интересов над долгосрочными можно найти в практике многих развитых и развивающихся стран. Это и СССР в 1986–1990 гг., руководство которого предпочло курс на повышение темпов роста (ускорение), за что пришлось расплачиваться десятилетним спадом. Это и политика Китая последнего времени, который поддерживает темпы роста за счет вливания бюджетных ресурсов в экономику. По нашему мнению, доминирование краткосрочных интересов бизнеса (текущей капитализации) над долгосрочными (повышением производительности) стало одной из основных причин нынешнего глобального кризиса (May, 2016a. С. 174).

оценки. Ряд исследователей обращают внимание на то, что статистика ВВП занижает реальный уровень производства и благосостояния. Показатель ВВП появился в 1930–1940-е годы и позднее был назван «одним из величайших изобретений XX столетия» (ВЕА, 2000; Masood, 2016). Однако фундаментальные технологические сдвиги последнего времени, появление новых управленческих моделей, отражающих изменившиеся технологические реалии, создают качественно новую ситуацию в экономике, которую традиционная статистика плохо улавливает. Измерение реального ВВП, который должен охватывать все произведенные (реализованные) товары и услуги, не учитывает значительную часть стоимости (продукта, не обязательно материального), которая произведена, но не может быть оценена существующими методами. Ключевую роль в этом играет проникновение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы общественной жизни, трансформируя само понятие благосостояния и соответственно возможности его измерения. Радикальный рост эффективности бизнеса и персонала позволяет удовлетворять потребности и обеспечивать рост благосостояния, используя гораздо меньше трудовых и материальных ресурсов.

Поясним сказанное на ряде примеров. Во-первых, беспрецедентно растет количество бесплатных благ и услуг, связанных с IT-технологиями, не говоря уже о быстром удешевлении (темпами, опережающими инфляцию) вновь выводимых на рынок продуктов. К ним относятся и очевидные выгоды, которые получают экономика и потребитель от социальных сетей. На общение с IT-системами люди расходуют много времени, причем это способствует росту их благосостояния (в том числе развитию бизнеса), однако в статистику роста это попадает в лучшем случае как доход от рекламы (DeLong, 2016). Во-вторых, некоторые новейшие технологии (например, 3D-печать) способны существенно удешевлять выпускаемую продукцию. В-третьих, появляются новые продукты (товары), объединяющие различные функции и значительно более дешевые, чем совокупность разных устройств, выполняющих те же функции (iPhone как наиболее яркий пример). В-четвертых, ряд товаров и услуг переводятся в цифровую форму, например электронные книги, которые, будучи в разы дешевле, предоставляют фактически ту же услугу, что и традиционные книги. В-пятых, появляются принципиально новые бизнес-модели на основе IT, символом (и примером) чего стал Uber (The Economist, 2016). Uber снижает спрос на автомобили, значительно повышая степень их эксплуатации по сравнению с такси, не говоря уже о личных автомобилях, а затем снижается спрос на производство сопутствующих товаров и услуг. Тем самым, обеспечивая рост благосостояния (и потребления), все перечисленные технологические, производственные и управленческие инновации могут вести к снижению традиционных показателей ВВП.

Обсуждение проблем экономической динамики далеко от своего завершения. Эти сюжеты в обозримом будущем останутся в числе основных тем экономической дискуссии и политической борьбы, привлекая как теоретиков экономической науки, так и практиков экономической политики.

Практические рекомендации минувшего года явно склонялись к пересмотру соотношений между денежным и бюджетным стимулированием. В 2016 г. все более широкую популярность стал приобретать тезис о необходимости свертывания денежного и усиления

роли фискального стимулирования⁶. У этого вывода есть несколько причин:

— во-первых, политика сверхнизких или отрицательных процентных ставок, хотя и поставила преграды на пути кризиса, но так и не смогла обеспечить восстановление нормального роста;

— во-вторых, все шире стало распространяться понимание, что восстановление роста требует не макроэкономического манипулирования, а структурных реформ, для которых прежде всего нужны специальные меры бюджетной политики;

— в-третьих, несколько уменьшилась долговая нагрузка на бюджеты, и у ряда развитых стран появилось больше возможностей заимствовать финансовые ресурсы для реализации крупных проектов, тем самым используя государственный спрос для поддержания роста как в частном, так и в общественном секторах;

— в-четвертых, представители новой администрации США явно обозначили приоритет фискального стимулирования, что может восприниматься как попытка повторить успех Р. Рейгана, сочетавшего его с жесткой денежной политикой П. Волкера.

Шагом на пути к преимущественно фискальному стимулированию можно рассматривать повышение процентных ставок ФРС в декабре 2016 г. Следующий шаг должна сделать новая администрация президента Д. Трампа.

В 2016 г. экономисты почти единодушно формулировали структурные приоритеты развитых стран. В первую очередь к ним относили развитие инфраструктуры (особенно в США) и образования (особенно в Европе). В числе других приоритетов называют развитие «зеленой» энергетики, здравоохранения и всего, что относится к человеческому капиталу в широком смысле. К приоритетным структурным мерам относят также снижение налогов (фискальная мера) и дерегулирование⁷.

Вместе с тем приоритеты структурных и институциональных реформ существенно различаются по странам, особенно если сравнивать развитые и ведущие развивающиеся. Если в большинстве первых речь идет о развитии человеческого капитала, включая облегчение доступа

⁶ Перенос центра тяжести в сторону фискальной политики разделялся, разумеется, не всеми. Многие экономисты решительно выступили против сворачивания денежного стимулирования, особенно в еврозоне. М. Вулф рекомендовал активно сочетать различные источники роста, не противопоставляя денежное стимулирование фискальному: «Лучшей политикой будет комбинация мер, направленных на повышение потенциального роста и поддержание агрегированного спроса. Здесь важны структурные реформы и агрессивная денежная и фискальная экспансия. В этом плане США проводили более сбалансированную политику, чем страны еврозоны» (Wolf, 2016).

⁷ «Центральными компонентами своей стратегии увеличения темпов реального и потенциального роста экономики США Трамп сделал инфраструктурные инвестиции, налоговую реформу и дерегулирование... В результате рынки уверены, что США будут теперь постепенно выходить из затянувшегося периода избыточной зависимости от нетрадиционной монетарной политики, на смену которой придут структурные реформы, стимулирующие экономику, и смягчение бюджетной политики. Этот подход во многом похож на то, что делал бывший президент США Рональд Рейган... У Германии, Китая и Японии есть веские причины согласиться с таким подходом: в настоящий момент они не получают достаточных результатов от политики монетарного расширения; риски побочного ущерба и непредвиденных последствий только растут; структурные реформы, стимулирующие рост экономики, уже давно запаздывают» (El-Erian, 2016).

на рынок труда широких социальных групп, то Китай прежде всего будет создавать физическую инфраструктуру как для увеличения спроса внутри страны (с учетом огромных масштабов внутреннего рынка), так и для наращивания технологического экспорта в развивающиеся страны. Именно на решение подобных задач ориентируется китайская политика построения «Шелкового пути», цель которой видится в развитии рынков для китайских товаров. В этом важнейшее отличие структурных приоритетов развитых стран, с одной стороны, и Китая — с другой.

Китай в настоящее время (и в обозримом будущем) выступает производителем главным образом товаров, став фактически «мастерской мира» XXI в. Напротив, развитые страны, даже при новейшей тенденции реиндустриализации, — прежде всего производители и потребители высокотехнологичных идей и соответствующих услуг, и качество человеческого капитала критически важно для сохранения лидерства в производстве и использовании высоких технологий.

Речь идет здесь о стимулировании спроса, то есть о возвращении отчасти к кейнсианской модели, требующей, впрочем, серьезного переосмысления с учетом реалий XXI в. Применительно к большинству развитых стран в настоящее время нельзя сделать однозначный вывод в пользу выбора «экономики спроса» или «экономики предложения». Факторы спроса должны быть адекватны создаваемому технологиями предложению, которое, в свою очередь, должно поддерживаться адекватными институциональными мерами (включая дерегулирование или снижение налогов). Только при таком балансе интересов на стороне спроса и предложения можно преодолеть углубляющуюся поляризацию между бенефициарами глобализации и ее жертвами (при всей условности этих терминов)⁸.

С точки зрения глобальных процессов многое будет зависеть от того, удастся ли ведущим странам (США, Китаю, Германии, Великобритании, Японии, ЕС) скоординировать свою экономическую политику, прежде всего учитывая специфику их структурных реформ. Неспособность обеспечить эту координацию обернется ростом протекционизма и популизма, а как следствие, — общим торможением при одновременном усилении неравномерности развития отдельных стран.

Из сказанного непосредственно вытекает вторая особенность минувшего года и, по-видимому, обозримой перспективы — популизм⁹. Под этим термином принято понимать политическую деятельность, лозунги которой популярны в широких народных массах, но, как правило, не имеют реальных (материальных, экономических) оснований

⁸ «Макроэкономическое управление должно обеспечить соответствие роста спроса потенциалу предложения, создаваемого новыми технологиями и глобализацией. Это фундаментальное кейнсианское положение, которое временно отбросили в период расцвета монетаризма в начале 1980-х годов, стали успешно применять в 1990-е годы (по крайней мере, в США и Великобритании), но вновь забыли из-за паники, вызванной растущими бюджетными дефицитами после кризиса 2009 г.» (Kaletsky, 2016).

⁹ В контексте данной статьи можно остановиться на таком политическом определении популизма: «Наличие того, что некоторые ученые называют харизматическим способом связи между избирателями и политиками, и демократического дискурса, основанного на идее воли народа и борьбы между „народом“ и „элитой“» (Hawkins, 2003).

для практической реализации (см.: Acemoglu et al., 2013). Реальные цели политиков-популистов (прежде всего борьба за власть) прикрываются социально привлекательными идеями.

Популизм непосредственно связан с отмеченным выше конфликтом между кратко- и долгосрочными экономическими задачами. В лучшем случае популистские меры позволяют получить обещанные положительные сдвиги в течение короткого периода, за что приходится расплачиваться потерей долгосрочной стабильности, а затем платить высокую цену за ее восстановление. В политической сфере популизм нередко ведет к разрушению демократических институтов: популисты имеют возможность закрепиться у власти на волне краткосрочных достижений, но в дальнейшем, при ухудшении ситуации, отказываются от демократических процедур (непосредственно или путем манипуляций), обещая процветание после победы над внешними и внутренними врагами.

Популизм получил широкое распространение в XX в., на протяжении которого для многих стран он стал или источником деградации (Аргентина), или тормозом на пути экономического прогресса (см.: Mudde, Kaltwasser, 2011). Уже тогда отчетливо обозначились две разновидности популизма — политический и экономический (бюджетный), причем первый мог существовать и без второго, но второй всегда был непосредственно связан с первым. Политический популизм — это инструмент в борьбе за власть, однако его экономические последствия не однозначны. Партия, пришедшая на волне популистских лозунгов и закрепившаяся у власти, может проводить любую экономическую политику — как популистскую, так и ответственную. В некоторых случаях в XX в. политический популизм сопровождался экономическим — проведением безответственной бюджетной и денежной политики, манипуляциями с собственностью и т. п. В результате возникает экономический кризис, выход из которого занимает, как правило, длительное время. Большинство популистских режимов в Латинской Америке сочетали экономический и политический популизм — от Хуана Перона середины XX в. до Уго Чавеса и Николаса Мадуро в Венесуэле в начале XXI в.¹⁰ В то же время известны случаи прихода к власти политиков с популистскими лозунгами и репутацией, но сумевших проводить ответственный и сбалансированный экономический курс (например, Лула да Силва в Бразилии). Сейчас речь идет преимущественно о политическом популизме, связанном с попытками отойти от того, что до недавнего времени относилось к сфере «политкорректности» или «принятым» в современном мире «правилам игры» (глобализация, политическое равенство и др.). Растет влияние популистских политиков в Европе и Америке, в ряде развивающихся стран.

¹⁰ Классический анализ экономического популизма XX в. содержится в книге под редакцией Р. Дорнбуша и С. Эдвардса «Макроэкономика популизма в Латинской Америке». Здесь он определяется как «подход к экономике, который делает акцент на росте и распределении доходов и уделяет меньше внимания инфляционным рискам, бюджетному дефициту, внешним ограничениям и реакции экономических агентов на агрессивную нерыночную политику» (Dornbusch, Edwards, 1991. P. 9; см. также: Dornbusch, Edwards, 1990; Sachs, 1989).

По итогам 2016 г. можно отметить две особенности развития современного популизма. Во-первых, налицо рост как правого, так и левого популизма. Причем первый присущ прежде всего развитым странам Европы и Америки, а второй наблюдается в более бедных странах (в том числе европейских, включая Италию и Испанию). Впрочем, в некоторых пунктах экономической программы (в частности, относительно глобализации) позиции правого и левого популизма могут совпадать¹¹. Во-вторых, макроэкономический (бюджетный) популизм остается достаточно редким явлением, по сути ограничиваясь только ситуацией в Венесуэле. Это важно для оценки перспектив макроэкономической устойчивости ведущих стран мира.

Популистская реакция в виде антиглобализма может проявиться в разных странах уже в ближайшее время. Антиглобализм вообще стал неотъемлемым элементом современного популизма. В частности, укрепление доллара, которое выглядит закономерным в 2017 г., может привести к усилению протекционистских мер в США с последующими ответными мерами в некоторых странах. Разного рода режимы санкций также представляют собой форму популистской реакции на политические и даже в большей мере на экономические проблемы. Перечень примеров можно продолжить.

В основе развития популизма лежат, по-видимому, преимущественно экономические факторы. Торможение роста, длительная рецессия способны провоцировать популистский ответ на проблемы. (Хотя это не жесткое правило, что подтверждается примером 25-летней стагнации в Японии.) Обеспечение устойчивого роста — естественное, хотя и не достаточное условие преодоления популизма. Однако для него возникают благоприятные условия в отсутствие понятных перспектив роста в настоящее время. Есть и меры социальной политики, которые могут снижать риски реализации популистских лозунгов: главным образом это помощь в адаптации к новым условиям для тех, кто теряет в результате экономического прогресса, прежде всего путем поддержки образования и других социальных сфер, что бывает важнее прямой раздачи денег.

В представленной политической динамике все отчетливее формируется новая политическая поляризация, приходящая на смену противостоянию правых и левых сил (иными словами, сторонников свободного рынка или социализма, либерализма или этатизма). В настоящее время гораздо важнее противостояние популизма, с одной стороны, и традиционных моделей модернизации — с другой. Причем на обеих сторонах могут концентрироваться как правые, так и левые силы «традиционной ориентации». Пока нельзя сказать, насколько

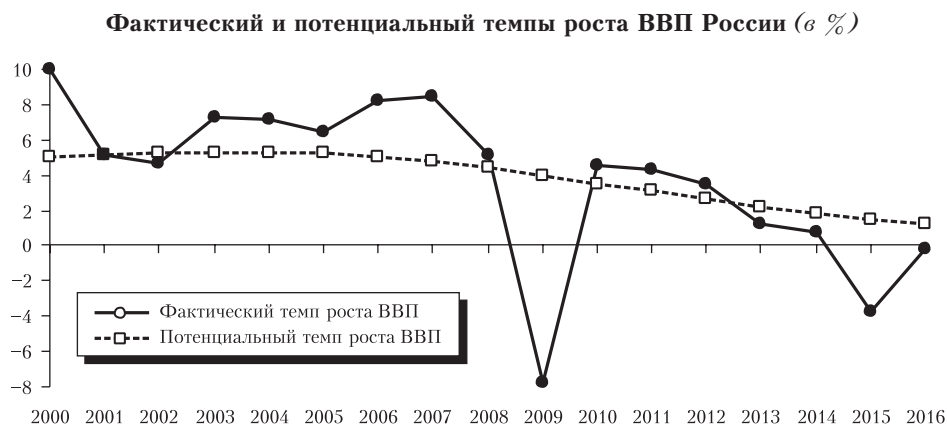
¹¹ С точки зрения соотношения правого и левого популизма в развитых странах интересны итоги референдума в Великобритании и предвыборной кампании 2016 г. в США. Левый критик истеблишмента Б. Сандерс проиграл праймериз демократической партии, уступив представителю традиционных элит Х. Клинтон. Однако президентские выборы выиграл республиканец Д. Трамп, активно использовавший правые популистские лозунги, а в своей антиглобалистской повестке имевший много общего с Б. Сандерсом (Di Tella, Rotemberg, 2016. Р. 10). Аналогично, в Великобритании правый популизм, ассоциирующийся с выходом из ЕС, уверенно доминирует над левым популизмом нынешнего руководства лейбористской партии (Дж. Корбин).

устойчива и долгосрочна эта новая конфигурация или она носит временный характер, поскольку порождена специфическими обстоятельствами современного глобального кризиса.

Экономический кризис и адаптация к новым реалиям: итоги 2015–2016 гг.

С 2008 г. Россия вместе с другими развитыми и ведущими развивающимися странами переживает структурный кризис, постепенно формирующий новые экономические, политические и социальные реалии. При наличии ряда общих характеристик в России он имеет ряд важных экономических и политических особенностей, предполагающих проведение существенно отличной от других стран социально-экономической политики.

С институциональной точки зрения структурный кризис в России был связан с двумя группами обстоятельств: с одной стороны, с логикой глобальных проблем, необходимостью формировать новую модель экономического роста вместо модели, сложившейся после кризиса 1970-х годов, а с другой — со специфическими институциональными проблемами России, в которой к концу 2000-х годов завершился восстановительный процесс: экономика достигла уровня, на котором она находилась к моменту трансформационного спада на рубеже 1980–1990-х годов. Тем самым были исчерпаны возможности экстенсивной модели роста, основанной на вовлечении в производство незадействованных мощностей и трудовых ресурсов, а также более быстром росте доходов по сравнению с ростом ВВП и производительности. Это проявилось в снижении структурных темпов роста (см.: Синельников-Мурылев и др., 2014; Дробышевский, Казакова, 2016; рис. 1). Иными словами, переход к новой модели роста диктовался не только глобальными обстоятельствами, но и особенностями институциональной динамики самой России.

Источники: Росстат; базовый сценарий прогноза МЭР по состоянию на 6 мая 2016 г.

Рис. 1

С макроэкономической точки зрения Россия столкнулась с проблемами стагфляции, а не дефляции, то есть должна обеспечивать восстановление роста при подавлении, а не стимулировании, инфляции. Соответственно весьма ограниченную роль здесь могут играть методы денежного и бюджетного стимулирования, несмотря на низкий государственный долг и значительные накопленные резервы.

Свою роль играл и феномен сочетания кризисов (структурного, финансового, внешних шоков), которые требуют различных, нередко разнонаправленных, антикризисных мер — и стимулирующих (в ситуации структурного кризиса), и консолидирующих (при внешних шоках). Это изначально делало антикризисную политику очень сложной и внешне не всегда последовательной, а потому уязвимой для критики.

С политической точки зрения с 2014 г. Россия находится в противостоянии с рядом ведущих стран и, помимо поиска новой экономической модели (и «новой нормальности»), ведет активную работу по политическому перепозиционированию в глобальном пространстве. Финансовые и технологические санкции выступают дополнительным специфическим фактором структурного кризиса. Падение цен на основные товары российского экспорта задало принципиально новые рамки решения назревших экономических проблем, потребовав принятия жестких мер, направленных на адаптацию страны к новым реалиям.

К началу 2017 г. в России практически остановлен экономический спад, а отрасли материального производства (промышленность и сельское хозяйство) и оптовая торговля вышли на положительную динамику уже в 2016 г. Тем самым завершён период антикризисной политики и на первый план выдвигаются задачи обеспечения экономического роста.

Антикризисная политика 2015–2016 гг. заслуживает специального анализа. Ее меры и результаты формируют основы дальнейшего развития страны, новой модели экономического роста. Уроки минувшего периода полезны и с точки зрения возможности использовать накопленный опыт в будущем, поскольку периодические кризисы — естественный элемент рыночной экономики.

Изначально антикризисная программа правительства стала объектом острой критики со стороны представителей практически всех возможных направлений. Ее критиковали за жесткость денежной политики, нацеленной на решительное подавление инфляции, и за недостаточное использование опыта США и ЕС с их мерами мощного денежного и бюджетного стимулирования, а также за отсутствие мер поддержки различных отраслей или ее неэффективность. К этому добавлялась критика денежных властей за поддержание высоких процентных ставок, недостаточное кредитование экономики, жесткие меры по расчистке банковской системы. Вся эта критика имела определенные основания, поскольку любая экономическая политика в условиях экономического кризиса не может быть популярной (к тому же она не всегда последовательна).

Однако нельзя игнорировать по крайней мере две важные позитивные черты антикризисной политики 2014–2016 гг. Во-первых,

правительство и Банк России смогли избежать популистских мер и не сделали стандартных макроэкономических и институциональных ошибок, которые, как правило, совершают власти в жестких экономических и политических условиях и к которым подталкивали многие влиятельные политические и экономические игроки. Популистские меры, обеспечивая краткосрочное смягчение ситуации, приводят к большим долгосрочным потерям. Между тем именно конфликт между краткосрочными результатами (в виде экономического роста) и среднесрочными целями (повышение эффективности) представлял наибольшую опасность для российской политики. Фетишизация краткосрочных темпов роста могла привести к популистским мерам с тяжелыми социально-экономическими последствиями уже в недалеком будущем¹². Во-вторых, надо признать, что реальная ситуация в последние два года оказалась гораздо лучше, чем ожидания конца 2014 г. Более того, несмотря на более длительную рецессию, по большинству экономических параметров она оказалась лучше, чем в 2008–2009 гг., хотя политические и внешнеэкономические обстоятельства были гораздо более жесткими (см. Приложение).

Перечислим некоторые важные элементы и результаты антикризисной политики 2015–2016 гг., которые, по нашему мнению, закладывают основы для будущего (посткризисного) экономического роста.

Удалось сохранить базовую макроэкономическую стабильность, что проявилось прежде всего в параметрах бюджетного дефицита, государственного долга и в устойчивом снижении инфляции. В 2016 г. правительство вернулось к трехлетнему бюджетному планированию. При всем символическом характере этого шага он представляется важным для обеспечения доверия к экономической политике. Не менее важна в этом плане последовательная реализация курса на снижение инфляции до 4% к концу 2017 г. В принятом бюджете сделана попытка ослабить традиционную привязку его доходной базы к динамике цены на нефть. Правительство признало бессмысленность такой привязки и заложило в проект бюджета плоскую цену на нефть 40 долл./барр. Тем самым было фактически введено новое бюджетное правило, суть которого в инвариантности расходов относительно колебаний цен на нефть.

За счет сдерживания расходов удастся контролировать размер дефицита федерального бюджета и бюджета расширенного правительства, несмотря на существенное падение доходов (даже в номинальном выражении). В 2015 г. дефицит федерального бюджета составлял 2,4% ВВП и 3,5% по итогам 2016 г., а в 2009 г. — около 6% (соответствующие показатели по бюджету расширенного правительства — 3,5 и 4,0% против 6,3%). Что касается отношения размера дефицита к общему объему расходов федерального бюджета, то в 2009 г. почти 24%

¹² В политике «ускорения» 1986–1989 гг. повышение темпов роста было достигнуто путем макроэкономической дестабилизации (резкий рост государственного долга и бюджетного дефицита), следствием чего стала десятилетняя стагнация, а затем еще десять лет ушли на возвращение экономики к докризисному уровню (см. подробнее: Мау, 2014. С. 22–24).

расходов покрывалось за счет источников финансирования дефицита, а в 2015 и 2016 гг. — соответственно 12,6 и 18,1%. Причем рост общего дефицита федерального бюджета в 2015–2016 гг. происходил на фоне снижения размера нефтегазового дефицита (с 10 до 9,4% ВВП). Таким образом, *правительству удалось контролировать размер дефицита не только непосредственно федерального бюджета, но и всей бюджетной системы.*

Россия остается страной с исключительно низким государственным долгом в размере 13% ВВП, причем преимущественно в национальной валюте — 9%. Сложнее ситуация с региональными бюджетами: на протяжении последних лет она оставалась очень напряженной, поскольку в условиях кризиса от региональных бюджетов требовали неуклонно выполнять лежащие на них социальные обязательства. Хотя долг региональных бюджетов невелик (менее 3% ВВП), риск их острого кризиса оставался на протяжении последних лет вполне реальным. В 2016 г. ситуация несколько улучшилась, по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, значительная часть коммерческого долга была реструктурирована в бюджетный на более благоприятных для регионов условиях. Во-вторых, практически весь региональный долг теперь номинирован в национальной валюте. В-третьих, задолженность регионов начала снижаться, хотя и незначительно — на 0,1% ВВП за 2016 г. (подробнее см.: Дерюгин, 2016).

Уменьшается зависимость государственного бюджета от нефтегазового экспорта. Доля нефтегазовых доходов в общей сумме доходов федерального бюджета последовательно снижается — с 51% в 2014 г. до 43 в 2015 г. и 36% в 2016 г. (оценка). Разумеется, это обусловлено не столько диверсификацией структуры российской экономики, сколько падением мировых цен на нефть, которое не полностью компенсируется ослаблением курса рубля к доллару. В результате доля нефтегазовых доходов снижается на фоне сокращения даже в номинальном выражении общего объема доходов федерального бюджета.

Переход Банка России к политике таргетирования инфляции и плавающему валютному курсу подвергался особенно острой критике со стороны многих представителей политического класса, бизнеса и экспертного сообщества. Между тем эти трудные решения, принятые осенью 2014 г., имели важные позитивные последствия для макроэкономической стабильности. Инфляция к концу 2016 г. достигла 5,4%, что беспрецедентно для современной России. Удалось не только сохранить, но и нарастить международные резервы: на 1 января 2017 г. они составили 377,7 млрд долл. (+2,5%).

В последние годы существенно сократился отток капитала — со 152,1 млрд долл. в 2014 г. до 57,5 млрд в 2015 г. и до 15,4 млрд долл. в 2016 г. (предварительная оценка ЦБ РФ). Отток частного капитала в 2015–2016 гг. в большей степени связан с выплатой внешней задолженности банков и корпораций, то есть его нельзя характеризовать как «бегство капитала» в другие юрисдикции. Соответственно снижался совокупный внешний долг страны. В 2015–2016 гг. сокращался внешний долг государственных корпораций. Так, в 2015 г. государственный внешний долг в расширенном определе-

нии¹³ снизился на 12,1%, достигнув 268,1 млрд долл., а внешний долг органов государственного управления сократился на 26,6% — до 30,6 млрд долл. Последнее, впрочем, не однозначно позитивное явление с точки зрения финансирования роста, поскольку стало результатом финансовых санкций. Естественно, что после острого кризиса и девальвации 2014 г. состояние платежного баланса улучшилось и его стабильность повысилась: счет текущих операций оставался положительным, а отток капитала быстро стабилизировался в условиях плавающего валютного курса¹⁴.

Формируя институциональную основу будущего экономического роста, Банк России продолжал последовательную и жесткую работу по *оздоровлению банковского сектора*, по выводу с рынка кредитных организаций, не удовлетворяющих надзорным требованиям регулятора. За 2016 г. было отозвано 97 лицензий на осуществление банковских операций, что несколько больше, чем в предшествующие годы (в 2015 г. было отозвано 93 лицензии, в 2014 г. — 86). Суммарный объем активов кредитных организаций, у которых в 2016 г. была отозвана лицензия, составил 1,2 трлн руб., или 1,4% совокупных активов банковского сектора на начало 2016 г. (в 2015 г. — 1,1 трлн руб., или 1,4%, в 2014 г. — 0,4 трлн руб., или 0,8% соответственно).

На этом фоне произошли позитивные сдвиги в работе банков. После резкого спада прибыли в 2015 г., когда банковский сектор заработал 192 млрд руб., в 2016 г. ее объем начал восстанавливаться: банки получили 930 млрд руб. прибыли. Но рентабельность собственных средств — 11% в годовом выражении в 2016 г. — значительно ниже, чем в 2011–2013 гг. (17–19%).

Депозиты предприятий и населения способствуют повышению устойчивости банковской системы и одновременно закладывают финансовую основу для возобновления экономического роста. На протяжении 2015 г. наблюдался рост депозитов предприятий в банках. Это важный параметр, поскольку собственные ресурсы предприятий пока выступают основным источником инвестиций. Однако в 2016 г. из-за укрепления обменного курса рубля к иностранным валютам и снижения процентных ставок по депозитам этот тренд изменился. За январь–октябрь 2016 г. объем срочных депозитов юридических лиц в банковской системе снизился на 2,3 трлн руб., составив 11,3 трлн на 1 ноября 2016 г. Объем этих средств остается значительным, несмотря на снижение с 35 дней оборота по состоянию на 1 января 2016 г. до 28 дней по состоянию на 1 ноября 2016 г. (до 2014 г. объем срочных депозитов не превышал 20 дней оборота).

Аналогично в 2015–2016 гг. наблюдались некоторый рост, а затем стабилизация *сбережений населения в банках*. Темп прироста вкладов

¹³ Внешний долг государственного сектора в расширенном определении охватывает внешнюю задолженность органов государственного управления, центрального банка, а также банков и небанковских корпораций, в которых органы государственного управления и центральный банк напрямую или опосредованно владеют 50 и более процентами участия в капитале или контролируют их иным способом.

¹⁴ Механизм адаптации российской экономики к снижению реального курса рубля рассмотрен в: Дробышевский, Полбин, 2016.

в 2016 г. составлял 11–12%. Рублевые вклады выросли за 11 месяцев на 15%, и их объем достиг 17,5 трлн (на 1.12.2016), а валютные вклады практически не изменились: 94,0 млрд долл. на начало года и 94,7 млрд на 1 ноября 2016 г. — прирост на 0,8%. Доля вкладов в иностранной валюте снизилась с 29,8% на 1 января до 25,7% на 1 ноября 2016 г. Плавающий валютный курс стал, по-видимому, причиной, по которой впервые в новейшей истории России в кризис не произошло массового перекладывания рублевых депозитов в валютные.

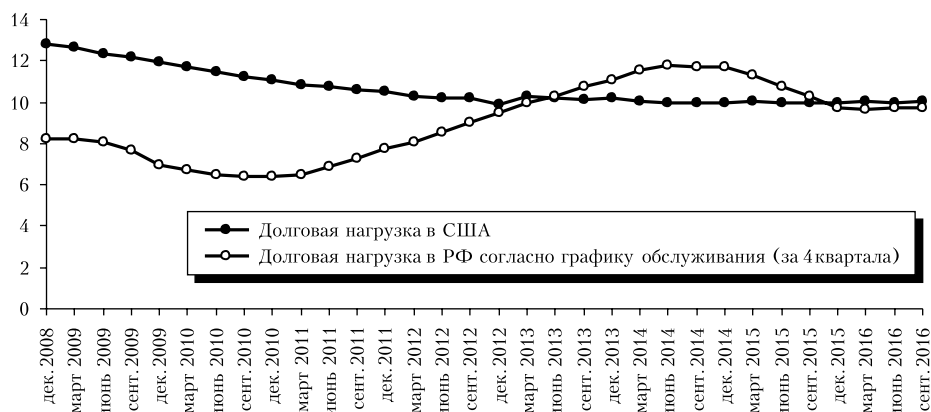
Ипотечные кредиты. После ипотечного бума 2013–2014 гг., когда задолженность по жилищным кредитам росла на 31–32% в год, а ежегодная выдача новых кредитов достигла 1,82 трлн руб., в 2015 г. объем выдачи ипотеки резко уменьшился (1,17 трлн руб.), но в 2016 г. спрос на ипотеку возрос примерно на 13% (1.11.2016 к 1.11.2015) и составил около 1,5 трлн руб. В результате общий объем задолженности физических лиц по кредитам на покупку жилья достиг 4,4 трлн руб. в 2016 г. Просроченная задолженность по ним остается незначительной: ее доля в общем объеме задолженности составляет 1,8%. При этом по рублевым жилищным кредитам просрочка равна 1,2%, а по валютным — более 30%, но доля всех жилищных кредитов в валюте не превышает 2% общего объема кредитов на покупку жилья.

Кредиты физическим лицам. По итогам 2016 г. перестала сокращаться совокупная задолженность физических лиц по банковским кредитам. Годовой прирост по итогам ноября 2016 г. стал положительным (+0,3%), в 2015 г. задолженность сократилась на 7,3%. Прирост задолженности по жилищным кредитам означает соответствующее сокращение задолженности по потребительским кредитам. Доля просроченной задолженности достигла максимума в августе 2016 г. (9,0% по всем кредитам и 13,5% по потребительским), после чего стала медленно сокращаться (до 8,6 и 13,2% соответственно).

Объем накопленной задолженности населения России незначителен по сравнению с развитыми рыночными экономиками — немногим более 11 трлн руб. (13% ВВП). Однако с учетом существенно более высоких процентных ставок (в 2016 г. средняя стоимость действующего банковского кредита составляла 16,4% годовых) и коротких сроков кредита (согласно графику погашения, средняя срочность кредитов физлицам — 44 месяца, фактическая, с учетом досрочных погашений, — 18 месяцев) на обслуживание банковской задолженности в 2016 г. в России уходило около 10% располагаемых доходов населения, как и в США, где объем кредитной задолженности физических лиц достигает 78% ВВП. Иными словами, бремя обслуживания долга среднего россиянина такое же, как у среднего американца, при этом относительный объем долга в РФ меньше в шесть раз. Отметим, что за последние два года бремя долга по отношению к доходам снизилось: максимально оно составляло около 12% располагаемых доходов в 2014 г. (рис. 2).

Занятость. Важным фактором обеспечения социально-политической стабильности стал низкий уровень безработицы, который на протяжении последних двух лет составлял 5–6% трудоспособного населения. С одной стороны, продолжала сокращаться численность

**Долговая нагрузка на располагаемые доходы населения
в РФ и США (в %)**

Источники: Банк России; ФСГС; Federal Reserve; оценки Института Гайдара.

Рис. 2

населения в трудоспособном возрасте из-за выхода на пенсию людей достаточно многочисленного поколения. С другой стороны, проявлялась специфика российского рынка труда, в котором уменьшение экономической активности (кризис) сопровождается не снижением занятости, а сокращением рабочего времени и выплат. Оба названных фактора взаимосвязаны, поскольку демографическая ситуация побуждает работодателей сохранять формальную занятость и не рассчитывать на открытый рынок труда (см. Приложение).

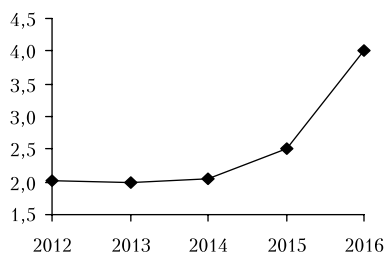
С наибольшими трудностями при падении цен на нефть столкнулись отрасли, которые больше всего выигрывали от «голландской болезни», — прежде всего услуги (особенно торговля) и строительство. Их адаптация и восстановление начались только в 2016 г., что проявляется в показателях спроса на потребительские и ипотечные кредиты. В этих сферах наблюдается медленная положительная динамика, естественная в условиях сдувания потребительского пузыря, характерного для периода бума рентных доходов.

Диверсификация российского экспорта. В 2015–2016 гг. происходили противоречивые и вместе с тем важные сдвиги в динамике российского экспорта. Общий тренд состоит в снижении объемов экспорта при диверсификации его структуры. Такое снижение объяснимо в условиях торможения мировой экономики и роста геополитической напряженности, в результате падают спрос на товары и соответственно цены на них. Этим же объясняется и диверсификация экспорта, поскольку цены на топливно-энергетическую продукцию и металлы упали значительно сильнее, чем по другим товарным группам. Как следствие, начиная с 2014 г., доля экспорта топливно-энергетических товаров устойчиво снижалась (с 72% в 2014 г. до менее 60% в 2016 г.), а доля остальных товарных групп росла (сельское хозяйство, химическая и легкая промышленность, текстиль, производство машин и оборудования). Снижение общего стоимостного объема

экспорта в неэнергетических отраслях промышленности происходило меньшими темпами, при этом в некоторых отраслях в январе–сентябре 2016 г. наблюдался рост по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (см. таблицу). Объем экспорта сельхозпродукции сравнялся с экспортом вооружений и даже превысил его. В результате происходит диверсификация российской экспортной корзины. Коэффициент диверсификации экспорта за 2014–2016 гг. удвоился (рис. 3)¹⁵.

Ситуация с экспортом отражает проблему, типичную для современного кризисного развития, — противоречие между кратко- и долго-

**Коэффициент диверсификации
российского экспорта**

Источник: расчеты по данным ФТС.

Рис. 3

Т а б л и ц а

**Изменение товарной структуры экспорта и импорта РФ
в 2014–2016 гг. (в % к итогу)**

Код ТН ВЭД ЕАЭС	Наименование товарной отрасли	Экспорт			Импорт		
		2014	2015	2016*	2014	2015	2016*
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	3,8	4,7	5,9	13,9	14,5	13,4
25–27	Минеральные продукты	70,5	63,8	59,7	2,5	2,7	1,8
27	Топливо-энергетические товары	69,5	62,9	58,6	1,4	1,6	0,9
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	5,9	7,4	7,5	16,2	18,6	18,7
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	0,4	0,5	0,4
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,3	2,9	3,6	2,1	2,0	1,9
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,2	0,2	0,3	5,7	5,9	6,2
71	Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	2,4	2,3	3,2	0,4	0,3	0,2
72–83	Металлы и изделия из них	8,2	9,6	10,3	6,7	6,4	6,3
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	5,3	7,4	7,5	47,6	44,8	47,1
68–70, 91–97	Другие товары	1,4	1,6	1,9	4,4	4,2	3,9

* Данные за январь–октябрь.

Источник: ФТС России (официальный сайт, раздел «Таможенная статистика внешней торговли»). http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095; расчеты ВАВТ.

¹⁵ Расчеты Г. И. Идрисова (РАНХиГС). Степень диверсификации российского экспорта рассчитана на основе используемого Всемирным банком индекса диверсификации (индекс Херфиндала–Хиршмана) (см.: http://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm).

срочными задачами экономического роста. Сокращение экспорта, несомненно, неприятный феномен, негативно влияющий на текущий рост и возможности бюджета. Однако его диверсификация закладывает основы стабильной экономической динамики и устойчивости бюджетной системы в среднесрочной перспективе. Разумеется, при условии, что правительство и бизнес смогут воспользоваться складывающимися обстоятельствами и обеспечат рост конкурентоспособности несырьевых отраслей, не полагаясь только на преимущества низкого валютного курса (см.: Кадочников и др., 2016).

* * *

На рубеже 2016–2017 гг. рецессия в России завершилась. Произошла первичная адаптация отечественной экономики к новым экономическим и политическим реалиям, которые, по-видимому, будут носить долгосрочный характер. Однако завершение рецессии не тождественно завершению глобального кризиса или решению структурных проблем российской экономики. Все основные негативные факторы, влияющие на социально-экономическую динамику, остаются в силе. Период турбулентности мировой экономики продолжается, и она будет ставить перед правительствами ведущих стран, включая Россию, новые сложные задачи. Более того, они сложнее, чем те, которые приходилось решать на предыдущем этапе антикризисной политики и адаптации.

Вместе с тем сложность задач не означает, что их решение должно быть более болезненным с социальной точки зрения. Речь идет об интеллектуальной сложности выработки мероприятий, которые обеспечили бы устойчивый экономический рост в средне- и долгосрочной перспективе, а также о политической сложности консолидации сил (групп интересов) для реализации этой программы.

В концентрированном виде экономико-политическая задача на предстоящий период была сформулирована президентом РФ В. В. Путиным в конце 2016 г. в послании Федеральному Собранию: обеспечить развитие экономики России темпом, превышающим среднемировой. Это достаточно точное определение, позволяющее отойти от указания на абсолютные желательные темпы роста: поскольку российская экономика глубоко интегрирована в мировую, темп ее роста не может формироваться независимо от глобального роста. В то же время нынешний уровень социально-экономического развития России позволяет в обозримой перспективе ориентироваться именно на подобный темп. Задача разработки такой программы была поставлена в декабре перед правительством РФ, и прежде всего перед Министерством экономического развития. Контуры этой программы достаточно хорошо известны¹⁶. Однако необходимо наполнить ее системой конкретных мер, далеко выходящих за рамки собственно экономической сферы.

¹⁶ Меры структурной модернизации подробно обсуждались в экономической литературе, в том числе автором этой статьи (см., например: Мау, Кузьминов, 2013; Мау, 2016b. С. 29–32; Идрисов, Синельников-Мурылев, 2014).

В настоящее время всеобщим стало понимание того, что решить стратегические задачи развития России можно только при комплексной модернизации экономики, государственного управления, социальной политики и правоохранительной деятельности.

Правительство определилось с приоритетными проектами, вокруг которых оно начало выстраивать политику стимулирования роста. К их числу относятся здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, реформа контрольной и надзорной деятельности, бесплатные и качественные дороги, моногорода, экология. Для их реализации был создан специальный Президентский совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. При большей конкретизации эти разделы должны составить отраслевую и институциональную основу стратегии экономического роста. Однако при выработке мер в каждой из этих сфер важно преодолеть традиционные подходы докризисного времени и посмотреть на них с точки зрения сформировавшихся в последнее время новых реалий.

Спецификой минувшего года стало и то, что работу над долгосрочной программой (стратегией) социально-экономического развития начали вести несколько групп экономистов. Соответствующие задачи были поставлены перед Президентским советом по стратегическому развитию и приоритетным проектам, Центром стратегических разработок во главе с зампреда Экономического совета при Президенте РФ А. Л. Кудриным, а также перед группой предпринимателей и экономистов во главе с бизнес-омбудсменом Б. Ю. Титовым, объединившихся под эгидой «Столыпинского клуба». Все они должны представить свои предложения в 2017 г., что, помимо прочего, станет элементом предстоящей президентской предвыборной кампании. Тогда можно будет провести сравнительный анализ этих программ. Сейчас предстоит непростой период, который потребует от властей одновременно гибкости и последовательности курса. Гибкости при ответе на новые вызовы, последовательности в решении фундаментальных (если не сказать — вековых) задач всесторонней (не только экономической) модернизации России.

Список литературы / References

- Гордон Р. Дж. (2013). Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития (на примере США) // Вопросы экономики. № 4. С. 49–67. [Gordon R. J. (2013). Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 49–67.]
- Дерюгин А. (2016). Бюджеты регионов: на пределе возможностей // Экономическое развитие России. № 12. С. 70–75. [Deryugin A. (2016). Regional budgets: At the limit of possibilities. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, No. 12, pp. 70–75. (In Russian).]
- Дробышевский С., Казакова М. (2016). Декомпозиция темпов роста ВВП в 2016–2019 гг. // Экономическое развитие России. № 6. С. 3–7. [Drobyshevsky S., Kazakova M. (2016). Decomposition of GDP growth rates in 2016–2019. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, No. 6, pp. 3–7. (In Russian).]

- Дробышевский С., Полбин А. (2016). О роли плавающего курса рубля в стабилизации деловой активности при внешнеэкономических шоках // Проблемы теории и практики управления. № 6. С. 66–71. [Drobyshevsky S., Polbin A. (2016). On the role of floating ruble in stabilizing business activity under foreign trade shocks. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, No. 6, pp. 66–71. (In Russian).]
- Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. (2014). Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. № 3. С. 4–20. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2014). Forming sources of long-run growth: How to understand them? *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 4–20. (In Russian).]
- Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. (2016). Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. № 12. С. 26–42. [Kadochnikov P., Knobel A., Sinelnikov-Murylev S. (2016). Openness of the Russian economy as a source of economic growth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 26–42. (In Russian).]
- Мау В. (2014). В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. № 2. С. 4–32. [Mau V. (2014). Waiting for a new model of growth: Russia's social and economic development in 2013. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 4–32. (In Russian).]
- Мау В. А. (2016а). Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Изд-во Института Гайдара. [Mau V. A. (2016a). *Crises and lessons. Russian economy in a turbulent epoch*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Мау В. (2016b). Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. № 2. С. 5–33. [Mau V. (2016b). Anti-crisis measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 5–33. (In Russian).]
- Мау В. А., Кузьминов Я. И. (ред.) (2013). Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. М.: Дело. [Mau V. A., Kuzminov Ya. I. (eds.) (2013). *Strategy-2020: A new growth model — new social policy*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Синельников-Мурылев С., Дробышевский С., Казакова М. (2014). Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. № 5. С. 7–37. [Sinelnikov-Murylev S., Drobyshevsky S., Kazakova M. (2014). Decomposition of Russian GDP growth rates in 1999–2014. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 5, pp. 7–37. (In Russian).]
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2013). A political theory of populism. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 128, No. 2, pp. 771–805.
- BEA (2000). GDP: One of the great innovations of the 20th century. *Survey of Current Business*, Bureau of Economic Analysis, January, pp. 6–9.
- Brynjolfsson E., Hitt L. M. (2000). Beyond computation: Information technology, organizational transformation and business performance. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 14, No. 4, pp. 23–48.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2011). *Race against the machine: How the digital revolution is accelerating innovation, driving productivity, and irreversibly transforming employment and the economy*. Lexington, MA: Digital Frontier Press.
- Cowen T. (2011). *The Great Stagnation: How America ate all the low-hanging fruit of modern history, got sick, and will (eventually) feel better*. New York: Dutton.
- DeLong J. B. (2016). The economic trend is our friend. *Project Syndicate*. August 31.
- Di Tella R., Rotemberg J. J. (2016). *Populism and the return of the 'Paranoid Style': Some evidence and a simple model of demand for incompetence as insurance against elite betrayal* (Working Paper 17-056). Cambridge, MA: Harvard Business School.
- Dornbusch R., Edwards S. (1990). Macroeconomic populism. *Journal of Development Economics*, Vol. 32, No. 2, pp. 247–277.
- Dornbusch R., Edwards S. (eds.) (1991). *The macroeconomics of populism in Latin America*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- El-Erian M. (2016). The international barriers to Trump's economic plan. *Project Syndicate*. December 16.

- Hawkins K. (2003). Populism in Venezuela: The rise of Chavismo. *Third World Quarterly*, Vol. 24, No. 6, pp. 1137–1160.
- Gordon R. J. (2016). *The rise and fall of American growth. The US standard of living since the Civil War*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kaletsky A. (2016). The crisis of market fundamentalism. *Project Syndicate*. December 23.
- Masood E. (2016). *The great invention. The story of GDP and the making and unmaking of the modern World*. New York: Pegasus Books.
- Mokyr J. (2014). Secular stagnation? Not in your life. In: C. Teulings, R. Baldwin (eds.). *Secular stagnation: Facts, causes, and cures*. London: CEPR Press; VoxEU.org eBook.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2011). Voices of the peoples: Populism in Europe and Latin America compared. *Kellogg Institute Working Paper*, No. 378.
- Nordhaus W. D. (2016). Why growth will fall. *The New York Review of Books*, August 18.
- Reinhart C. (2016). What's new about today's low interest rates? *Project Syndicate*, July 28.
- Qureshi Z. (2016). *The productivity outlook: Pessimists versus optimists*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Sachs J. D. (1989). Social conflict and populist policies in Latin America. *NBER Working Paper*, No. 2897.
- Sinn H.-W. (2016). Secular stagnation or self-inflicted malaise? *Project Syndicate*, September 27.
- Shiller R. J. (2016). The global economy hesitation blues. *Project Syndicate*, July 21.
- Solow R. (1987). We'd better watch out. *New York Times Book Review*, July 12.
- Summers L. (2014). Reflections on the "New Secular Stagnation Hypothesis". In: C. Teulings, R. Baldwin (eds.). *Secular stagnation: Facts, causes, and cures*. London: CEPR Press; VoxEU.org eBook.
- The Economist (2016). Uber: From zero to seventy (billion). *The Economist*, September 3.
- Wolf M. (2016). Negative rates are not the fault of central banks. *Financial Times*, April 12.

The lessons of stabilization and prospects of growth: Russia's economic policy in 2016

Vladimir Mau

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: rector@ranepa.ru

Economic growth is the key challenge at the political agenda of the leading countries including Russia. This paper discusses existing hypotheses of "secular stagnation" and "productivity paradox" — demand side problems (cyclical factors); special features of technological innovations (technological factors); anti-crisis policy preventing "creative destruction" (political factors); irrelevance of GDP measurement (statistical problems). Limits of growth contribute to a new global policy trend — emerging of populism, and the paper discusses the prospects of transformation of political populism to economic one. Global challenges provide the basis for further analysis of Russian economic development, and particularly the results of 2015–2016 anti-crisis policy, which helped the national economy to adapt to new economic realities of the post-crisis world.

Keywords: economic policy, structural crisis, new model of growth, Russia.

JEL: O52, P67.

Основные экономические показатели Российской Федерации в 2007–2016 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Макропоказатели (темпы роста физического объема в % к предыдущему году)</i>										
ВВП	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,7	-3,0	-0,6
Промышленность	6,8	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-3,4	1,1
Сельское хозяйство	3,3	10,8	1,4	-11,3	23,0	-4,8	5,8	3,5	2,6	4,8
Строительство	18,2	12,8	-13,2	5,0	5,1	2,5	0,1	-2,3	-4,8	-4,3
Оптовая торговля	9,5	5,4	2	3,0	4,4	3,6	0,7	-3,6	-10,0	2,0 ²⁾
Розничная торговля	16,1	13,7	-5,1	6,5	7,1	6,3	3,9	2,7	-10,0	-5,2
Конечное потребление домашних хозяйств	14,3	10,6	-5,1	5,5	6,8	7,4	3,7	1,7	-3,7	-3,4 ¹⁾
Инвестиции в основной капитал	23,8	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-8,4	-2,3 ¹⁾
Доля оплаты труда в ВВП (смена методологии в 2011 г.)	46,7	47,4	52,6	49,6	43,9	44,2	46,1	46,4	46,8	48,4
Доля прибыли и смешанных доходов в ВВП (смена методологии в 2011 г.)	34,1	32,6	30,8	32,6	41,5	41,1	39,7	39,5	41,8	40,7

Показатели государственных финансов и международных резервов

Профицит («+»)/дефицит («-») консолидированного бюджета (% ВВП)	6,0	4,9	-6,3	-3,4	1,4	0,4	-1,2	-1,1	-3,5	-4,0 ³⁾
Профицит («+»)/дефицит («-») федерального бюджета (% ВВП)	5,4	4,1	-6,0	-3,9	0,8	-0,1	-0,5	-0,5	-2,4	-3,5
Ненефтегазовый дефицит федерального бюджета (% ВВП)	-3,3	-6,5	-13,7	-12,2	-9,3	-10,5	-10,4	-10,9	-9,7	-9,4 ³⁾
Внутренний государственный долг РФ (на конец года, млрд руб.)	1248,8	1499,8	2094,7	2940,4	4190,6	4977,9	5722,2	7241,2	7307,6	7602,4 ⁴⁾
Внешний государственный долг (данные Минфина, млрд долл.)	44,9	40,6	37,6	40,0	35,8	50,8	55,8	54,4	50,0	51,3 ⁴⁾
Совокупный госдолг (в % ВВП)	7,2	6,5	8,3	9,0	9,5	10,5	11,4	14,4	13,6	13,1 ⁴⁾
Резервный фонд (2007 г. – Стабилизационный фонд, на конец года, млрд долл.)	156,81	137,09	60,52	25,44	25,21	62,08	87,38	87,91	49,95	31,30 ⁴⁾

Продолжение Приложения

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Фонд национального благосостояния (на конец года, млрд долл.)		87,97	91,56	88,44	86,79	88,59	88,63	78,0	71,72	71,26 ⁴⁾
Международные резервы Банка России (на конец года, млрд долл.)	478,8	427,1	439,0	479,4	498,6	537,6	509,6	385,5	368,4	385,3 ⁵⁾
<i>Цены и процентные ставки</i>										
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю)	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6	6,5	11,4	12,9	5,4
Индекс цен производителей (декабрь к декабрю)	25,1	-7,0	13,9	16,7	12,0	5,1	3,7	5,9	10,7	4,3 ⁵⁾
Ключевая ставка Банка России (до 2013 г. – минимальная ставка по операциям РЕПО на 1 день, в среднем за год, % годовых)	6,0	6,9	8,3	5,3	5,3	5,3	5,5	7,9	12,6	10,5
Средняя процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях, в среднем за год (% годовых)	10,0	12,2	15,3	10,8	8,5	9,1	9,5	11,1	15,7	12,8 ⁵⁾
Средняя процентная ставка по депозитам физических лиц (кроме депозитов до востребования, % годовых)	7,2	7,6	10,4	6,8	5,4	6,5	6,5	6,7	9,7	7,3 ⁵⁾
<i>Рынок труда</i>										
Общий уровень безработицы (методология МОТ, в среднем за год, %)	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,3 ⁶⁾
Средняя заработная плата (тыс. руб./месяц)	13,6	17,3	18,6	21,0	23,4	26,6	29,8	32,5	34,0	35,8 ⁸⁾
Динамика зарплат в реальном выражении	17,2	11,5	-3,5	5,2	2,8	8,4	4,8	1,2	-9,0	0,5 ²⁾
Динамика реальных располагаемых доходов домашних хозяйств	12,1	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-0,7	-3,2	-5,8 ²⁾
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн человек	18,8	19,0	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,1	20,3 ⁷⁾

О к о н ч а н и е П р и л о ж е н и я

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Банковская система</i>										
Количество действующих кредитных организаций (на конец года)	1136	1108	1058	1012	978	956	923	834	733	635 ⁴⁾
Количество отозванных в течение года лицензий на осуществление банковской деятельности	49	33	43	27	18	22	32	86	93	97
Динамика активов	46,1	32,7	3,7	14,8	21,4	20,4	14,2	18,6	-1,5	1,8 ⁹⁾
Динамика задолженности юридических лиц-резидентов (кроме банков) по банковским кредитам	52,4	28,6	0	9,6	22,8	15,5	11,6	12,7	5	-0,1 ⁹⁾
Динамика задолженности физических лиц-резидентов по банковским кредитам	58,3	31,2	-11,7	14,4	35,5	39,1	27,7	11,6	-7,3	0,3 ⁹⁾
Доля просроченных кредитов юридическим лицам-резидентам, кроме банков	0,9	2,2	6	5,5	4,8	4,6	4,1	4,1	6	6,4 ⁴⁾
Доля просроченных кредитов физическим лицам	3,1	3,6	6,9	7,1	5,3	4,1	4,5	6	8,4	8,6 ⁴⁾
Прибыль (млрд руб.)	508	409	205	573	848	1012	994	589	192	788 ¹⁰⁾

¹⁾ Январь–сентябрь 2016 г. в % к январю–сентябрю 2015 г.²⁾ Январь–октябрь 2016 г. в % к январю–октябрю 2015 г.³⁾ Оценка на 2016 год из «Основных направлений бюджетной политики на 2017–2019 гг.» (в материалах к проекту закона «О Федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»).⁴⁾ На 1 декабря 2016 г.⁵⁾ За январь–октябрь 2016 г.⁶⁾ В III кв. 2016 г.⁷⁾ На 1 ноября 2016 г.⁸⁾ На 27 декабря 2016 г.⁹⁾ 1 декабря 2016 г. к 1 декабря 2015 г.¹⁰⁾ За январь–ноябрь 2016 г.*Источники:* Росстат; Минфин России; Банк России.